

84 № 49 ФЕВРАЛЯ 1871 г. ПОСОМОДАЯ ВІДОЧНЯЧИТИ

ЧЕТВЕРГ, 18 ФЕВРАЛЯ (2 МАРТА) 1871.

№ 49.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БЫДОМОСТЬ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

в Петербургѣ — въ конторѣ

ПОДПИСКА:

вЪ ИНУТРИ.

Безъ доставки.

Съ доставкою.

Съ первомѣсяцем.

Съ первомѣсяцемъ.

за границей и иноф. Гор. Полтава. З мес.

Редакція (Вас. остр., 8-и линій, д. № 4) открыта для лицъ, извѣщущихъ до нея

чадовость, склоннаго, кроме воскресенскаго и праздничныхъ дней, отъ 5 до 2

часовъ пополудни.

Частими обласкания и изысканія, на русскомъ и другихъ языкахъ, принимаются въ

конторѣ редакціи, при книжномъ магазинѣ А. А. Чебресова. — Плата за объязленіе,

ПРЕДЪ ОВЪЯВЛЕНИИ:

Частими обласкания и изысканія, на русскомъ и другихъ языкахъ, принимаются въ

конторѣ редакціи, при книжномъ магазинѣ А. А. Чебресова. — Плата за объязленіе,

чадовость, склоннаго, кроме воскресенскаго и праздничныхъ дней, отъ 5 до 2

часовъ пополудни.

Плата за изысканія, помѣщаемыя въ другихъ отдѣлкахъ газеты, зависитъ отъ осо-

бѣхъ условій съ редакціею.

Приемъ писемъ въ конторѣ редакціи производится въ воскресенье съ 10 до 12 час.

Рукописи доставляются исключительно въ редакцію; напечатанные статьи будутъ

возвращаемы только по личному требованію и согражданамъ три мѣсяца; при-

ятимъ, въ случаѣ необходимости, подавать сокращеніе.

домъ № 26, кв. № 10.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

Отдельные номера продаются въ конторахъ, по 5 коп.

Съ первомѣсяцемъ выдается книжный альманахъ на 1871 годъ, въ 12 томахъ, по 5 коп.

К. Д. УШИНСКИЙ

(БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ).

Въ концѣ декабря въ Петербургѣ было получено извѣстіе, что русская педагогическая литература понесла весьма чувствительную потерю въ лицѣ Константина Дмитріевича Ушинскаго. Всѣ выразили искреннее сожалѣніе о немъ, кого сколько-нибудь заботить правильное воспитаніе и обученіе въ средѣ русскаго народа. Ушинскій былъ ревностнымъ и сильнымъ дѣятелемъ въ этой сферѣ, вызванный къ энергической дѣятельности преобразовательными стремленіями нашего времени. Въ послѣдніе годы имъ стало извѣстно чутъ не въ каждой школѣ, чутъ не въ каждой семье, гдѣ занимаются разумнымъ обученіемъ дѣтей; его «Родное слово» исходило ежегодно десятками тысячъ экземпляровъ. Онъ не останавливался на этихъ успѣхахъ, не хотѣлъ дать себѣ покоя, борясь съ болѣзнями, онъ только и думалъ о томъ, чтобы дочершить свой планъ правильнаго элементарнаго обучения въ русской школѣ. Но вдругъ сильный и неожиданный ударъ поразилъ его, и прекрасный трудъ его остался неоконченнымъ.

Винка въ его труженическую жизнь, въ его труды, свидѣтельствующие о сильной умственной деятельности, мы должны сказать, что полная биографія нашего лучшаго педагога была бы не только любопытна, но и поучительна. Можетъ быть со временемъ, собравъ достаточно материаловъ, мы въ здѣмемся этимъ трудомъ; теперь же можемъ сообщить публикѣ только нѣсколько сѣдѣній, чтобы хоть отчасти выяснить смыслъ жизни нашего честнаго собрата.

Объ его дѣятелѣ и первой юности мы не знаемъ пока ничего. Нѣкоторые его товарищи говорятъ, что никогда онъ съ признательностью вспоминалъ о своей матери, которая воспитывала его любовью и ласкою. Бѣдность и разнаго рода лишенія—воспитатели большей части нашихъ дѣятелей, отличающихся энергическою силой въ трудахъ—были въ его суровыми спутниками. Они научали его работать для жизни и мыслить о ней, когда онъ былъ студентомъ въ московскомъ университѣтѣ; а за эту науку кому не приходится платить очень дорого въ ту пору, когда, наконецъ, почувствуется потребность самовоспитанія, особенно педагогу, который признаетъ свое священное призваніе: сколько борьбы съ самимъ собою, съ теми недостатками, какие развиваетъ суровая жизнь бѣдника.

Въ университетѣ Ушинскій иое-какъ пробылъ, давая частные уроки, а иногда и голодая, живя безъ надежды на будущія блага. Слушая

лекціи юридическихъ наукъ, онъ въ то же время образовывалъ себя многостороннимъ чтеніемъ, увлекался и Мальтусомъ и Гегелемъ, любилъ научные споры, чуждался разгульного веселья, но искалъ наслажденія въ театрѣ, восхищался игрою Мочалова, доигрывавшаго свои послѣдніе дни. Театръ въкоторое время особенно увлекалъ впечатлительнаго юношу, такъ что онъ даже написалъ большую драму, о которой впослѣдствіи вспоминалъ насмѣшило.

По окончаніи университетскаго курса онъ былъ опредѣленъ въ 1846 г. профессоромъ въ ярославскій демидовскій лицей, который въ это время преобразовывался въ камеральное училище. Здѣсь онъ сталъ читать лекціи энциклопедіи законовѣдѣнія, исторіи законодательства и науки о финансахъ. Товарищи его говорятъ, что онъ признавалъ своимъ лучшимъ наставникомъ профессора П. Г. Рѣдкіна, и вспоминаютъ обѣ его речи о камеральномъ образования, выказавшей самостоятельное его мышленіе. Въ это же время онъ еще продолжалъ увлекаться философіей Гегеля, изучалъ и другія философскія системы. Занимаясь, по должности, юридическими науками, онъ обратилъ вниманіе на народныя юридическія понятія, хотѣлъ изучить ихъ и особенно остановился на вопросѣ, есть ли тѣсной связи между ними и самою мѣстностью, въ которой развивается народная жизнь. Для этого онъ занялся изученіемъ извѣстнаго сочиненія Риттера о землевѣдѣніи, чтеніемъ путешествія Палласа и другихъ, и такъ увлекся ими, что ихъ труды на долго сдѣлались любимыми его книгами.

Трудовая жизнь уже въ это время сдѣлалась потребностью его души, не отличаясь никакими материальными расчетами, никакими посторонними соображеніями. Это и привело его въ столкновеніе съ тогдашнимъ лицейскимъ начальствомъ. Желая имѣть самый вѣрный контроль надъ преподаваніемъ, оно потребовало отъ лицейскихъ профессоровъ такихъ точныхъ программъ, по которымъ бы оно могло, сидя въ кабинетѣ, знать, что въ какой часъ читаетъ профессоръ изъ своей науки. На конференціи, на которой было сдѣлано это предложеніе, Ушинскій не могъ удержать себя отъ рѣзкихъ возраженій, доказывая, что педагогическое дѣло невозможно связывать такимъ формальностями, что преподаватель непремѣнно долженъ обращать вниманіе на своихъ слушателей, слѣдовательно, не можетъ заранѣе опредѣлить, какія понятія придется выяснить иначе, какія менѣе, а дѣлить весь свой курсъ на часы значить совершенно убить живое преподаваніе, рѣшившись на такое убѣдство честный преподаватель никогда не отважится. Горячія слова профессора не отстояли разумнаго дѣла; онъ долженъ былъ удалиться изъ лицея и пере-

селиться въ Петербургъ, чтобы тамъ искать себѣ службы. Чужда не позволила выбирать то, что было по душѣ; пришлось братъ, что попалось. Изъ ревностнаго профессора Ушинскій долженъ былъ преобразиться въ чиновника департамента иностранныхъ исповѣданій 400 руб. жалованья, которое получалъ онъ, сдѣлались недостаточными, когда онъ женился; нужно было искать другихъ средствъ для жизни. Литература у насъ всегда была приближеннѣемъ живыхъ молодыхъ силъ и талантливыхъ личностей; она привлекала къ себѣ и внимание Ушинскаго. Но, какъ часто случается, первые литературные труды неизвѣстнаго молодаго человѣка не оцѣниваются по достоинству журналистами; ихъ слишкомъ бѣгло просматриваются или по недостатку времени, или по недовѣрю къ начинающимъ силамъ, недовѣрю, которое обыкновенно развивается чтеніемъ множества бездарныхъ статей, присыпаемыхъ въ редакціи. Ушинскому пришлось бѣгствовать въ сколько времени, прежде чѣмъ его принялъ къ себѣ редакція «Современника». Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе критической статью по поводу сочиненія «Поѣзда въ Индию», переведенного съ нѣмецкаго и выданного переводчикомъ за свое собственное. Ушинскій, знакомый со многими описаніями путешествій, остроумно разоблачилъ эту ложь.

Достоинство другой его статьи «Поѣзда на Волховъ» было оцѣнено И. С. Тургеневымъ, чѣмъ было достаточно, чтобы на него посмотрѣли какъ на талантливаго писателя.

Но не литературной славы добивался Ушинскій. Ему нужно было дѣло, которому бы онъ могъ отдать всѣми своими силами; ему нужно было найти задачу, которая бы сдѣлалась пѣдью его жизни.

Въ 1854 г. онъ получилъ мѣсто преподавателя русскаго языка и одной изъ юридическихъ наукъ въ гатчинскомъ институтѣ. Здѣсь онъ възбрѣжалъ довольно богатую педагогическую библиотеку, предался чтенію, и поприще его опредѣлилось: онъ созналъ свое настоящее призваніе. Скоро по выходѣ въ отставку институтскаго инспектора П. С. Гурьева, Ушинскій занялъ его мѣсто. Дѣятельность его стала шире; приходилось примѣнять къ практикѣ многие педагогические вопросы, которые занимали его въ теоріи; но здѣсь же ему пришлось бороться съ разными педагогическими силами, вносившими зло въ дѣло для него священное. Въ это время въ нашей литературѣ было поднято много вопросовъ о воспитаніи и обученії. Они заинтересовали весь читающій русскій міръ, который смутно понималъ несовершенство русскаго воспитанія и хотѣлъ себѣ выяснить идею истиннаго воспитанія. Общество, оскорблѣнное и униженное предше-

ствовавшими воспоминаниями неудачами, съ какой-то страстью само казнило себя беспощадными обличениями, но не приходило въ отчаяние; оно сознавало въ себѣ нравственные силы и возлагало свои надежды на молодое поколѣніе, которое нужно было воспитать и направить иначе.

Это общественное движение вызвало два педагогические журнала. Въ одномъ изъ нихъ, въ журналѣ «Воспитаніе», Ушинскій помѣстилъ нѣсколько статей, которые показали въ немъ специалиста своего дѣла. Но эти годы были для него только приготовленіемъ къ дѣятельности болѣе видной въ широкой. Здѣсь онъ собиралъ только силы, нужныя для того, чтобы послужить своей родинѣ. Охваченный юбочимъ преобразовательнымъ стремленіемъ, онъ не могъ бы долго жить въ томъ кругу, где оживленіе силъ дѣлалось невозможнымъ. Вносить жизнь въ зѣздѣ, гдѣ онъ прилагалъ свой трудъ — вотъ свойство его личности. Оно тотчасъ же выказалось, лишь только онъ получилъ возможность дѣйствовать, будучи приглашенъ въ 1859 г. въ Смоленский монастырь, въ оба отдѣленія, въ качествѣ инспектора классовъ. Здѣсь онъ ревностно принялъ за преобразованія, какія были введены въ то время въ дѣло женскаго институтскаго воспитанія. Нужно было бы исписать много страницъ, чтобы оцѣнить достоинство этихъ преобразованій, и то, насколько успѣхъ ихъ зависѣлъ отъ личности Ушинскаго. Ясно понимая возможное значеніе разумного воспитанія женщины, которая въ свою очередь должна сдѣлаться воспитательницей нового поколѣнія, онъ положилъ въ это дѣло всю свою душу. И если честный педагогъ ищетъ себѣ высшей и лучшей награды за свои труды въ искренней признательности со стороны своихъ бывшихъ учениковъ и ученицъ, то и Ушинскому досталась завидная награда: нужно только послушать разсказы воспитанницъ Смоленского монастыря этого времени; многія изъ нихъ и теперь не могутъ удержать своего восторга, вспоминая о томъ оживленіи, какое произошло въ ихъ творческой жизни, съ поступлениемъ Ушинскаго. Онъ признаютъ, что онъ имѣлъ огромное нравственное и благотворное влияніе на ихъ молодые души. И теперь онъ идеально рисуется въ ихъ воображеніи, тамъ для нихъ онъ все еще живой человѣкъ, и его оживляютъ задушевная въ благородность. Съ уваженіемъ всегда относились къ нему и тѣ изъ его сослуживцевъ, которыхъ онъ пригласилъ дѣлать съ нимъ одно дѣло. Они хотѣли подчиниться ему, признавая его своимъ руководителемъ; они извинили даже его недостатки, которые иногда вредили самому дѣлу. Его крайней верностию, спутницей разстроенного здоровья, пользовались враги его, которымъ не нравилось его страстное отношеніе

къ дѣлу. Они старались приписывать ему затаенные неблагонамѣренныя цѣли и вызывали его на борьбу, для которой ему недоставало хладнокровія.

Излагая въ вышѣмъ классѣ педагогику, Ушинскій въ то же время думалъ объ элементарномъ обученіи, просматривая все, что было лучшаго въ немецкой и англійской литературѣ по этой части. Хорошо понималъ, что отечественный языкъ долженъ быть основаніемъ первоначального обучения, онъ видѣлъ, что наша учебная литература мало представляла годнаго матеріала для умственнаго развитія дѣтей. Онъ одобрялъ мысль, что при изученіи отечественнаго языка знакомство съ грамматическими правилами должно предшествовать знакомство съ самимъ языкомъ, и практическій навыкъ въ его правильномъ употребленіи; онъ одобрялъ тѣхъ, которые обучепие отечественному языку начинали чтеніемъ и разказомъ прочитанаго. Но онъ останавливался надъ вопросами, что и какъ читается и рассказывается, и существуетъ ли для этого особенная метода и особенное руководство. Присутствуя часто при чтеніяхъ и рассказахъ, онъ убѣдился въ необходимости особенной книги, называемой именно для того, чтобы десятилѣтній ученикъ могъ читать ее и рассказывать ея содержаніе, а учитель могъ сопровождать эти чтенія систематически связанными между собой толкованіями, доступными и полезными для ученика такого возраста. Плодомъ этихъ размышлений была его книга «Дѣтскій міръ» напечатанная въ 1861 г. Она имѣла замѣчательный успѣхъ, несмотря на то, что противъ нея раздались сильные голоса, утверждавшіе будто обилемъ статей изъ естественной истории Ушинскій думаетъ развивать въ дѣтяхъ натурализмъ. Въ то время естественная история и натурализмъ такъ странно перепутались въ воображеніи многихъ, что иные стали считать изученіе природы дѣломъ дѣйствительно опаснымъ для религіозности и нравственности. Здѣсь мы не намѣрены критически относиться къ его трудамъ; мы хотимъ только показать, какъ расширилась педагогическая его дѣятельность и какое значение пріобрѣтала она въ русскомъ педагогическомъ мірѣ. Стараясь внести какъ можно болѣе света въ этотъ міръ, онъ не отказывался ни отъ какихъ трудовъ, которые могли послужить ему средствомъ для достиженія цѣли. Такъ въ 1860 г. онъ принялъ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ намѣреніемъ преобразовать его въ педагогический журналъ. До того времени это изданіе было сборникомъ ученыхъ и специальныхъ статей, издавалось отчасти на счетъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, которые обязательно должны были его выписывать (первый даже въ

двухъ экземплярахъ), и привлекало развѣ только записныхъ специалистовъ, просматривавшихъ въ немъ статьи по своей специальности. Ушинскій и здѣсь произвелъ оживленіе: журналъ получилъ определенный характеръ, такой, какои следовало имѣть журналу, назначаемому для среднихъ и низшихъ училищъ, стать наполняться живыми педагогическими статьями, которые могли привлекать каждого преподавателя, развивая здравыя идеи о воспитаніи и обученіи. Журналъ сталъ понемногу проникать въ публику, которая прежде никогда не видала его и которая всегда откликается на все живое. Самъ Ушинскій напечаталъ здѣсь нѣсколько интересныхъ статей, которая не только глубоко продуманы, но и прочувствованы имъ, такъ что могутъ нѣсколько служить вамъ объясненіемъ собственной его личности. Такъ, говоря о значеніи труда, онъ какъ бы выясняетъ намъ свою душу, находившую въ труда высшее наслажденіе: «Матеріальные плоды труда, говорить онъ, «составляютъ человѣческое достояніе; но только внутренняя, духовная, животворная сила труда служитъ источникомъ человѣческаго достоинства, а вмѣсть съ тѣмъ и нравственности и счастья». Это животворное влияніе имѣть только личный трудъ для того, кто трудится. Матеріальные плоды трудовъ можно отнять, наслѣдовать, купить; но внутренней, духовной, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наслѣдовать, ни купить за все золото Калифорніи: она остается у того, кто трудится.. Трудъ, какъ мы его понимаемъ, есть такая свободная и согласная съ христіанской нравственностью дѣятельность человѣка, на которую онъ рѣшается по безусловной необходимости ся для достиженія той или другой истинно-человѣческой цѣли въ жизни.. Трудъ — не игра и не забава; онъ всегда серьезенъ и тяжелъ.. Трудъ истинный и непремѣнно свободный, потому что другого труда нѣть и быть не можетъ, имѣть такое значеніе для жизни человѣка, что безъ него она теряетъ всю свою цѣль и все свое достоинство. Онъ составляетъ необходимое условіе не только для развитія человѣка, но даже и для поддержки въ немъ той степени достоинства, которой онъ уже достигъ. Безъ личнаго труда человѣкъ не можетъ идти впередъ, не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ, но долженъ идти назадъ. Тѣло, сердце и умъ человѣка требуютъ труда, и это требование такъ настоятельно, что если почему бы то ни было у человѣка не окажется своего личнаго труда въ жизни, тогда онъ теряетъ настоящую дорогу и передъ нимъ открываются двѣ другія, обѣ одинаково гибельныя: дорога неутомимаго недовольства жизнью, мрачной апатіи и бездѣлной скучи, или дорога добровольного, незамѣт-

наго самоуничтожения, по которой человекъ бы-
стро спускается до дѣтскихъ прихотей или скот-
скихъ наслаждений. На той и на другой дорогѣ
смерть овладѣваетъ человѣкомъ заживо, потому
что трудъ личный, свободный трудъ и есть
жизнь... Перебирая всѣ пріятныя ощущенія, ко-
торыя только даю испытывать человѣку на зем-
ль, мы видимъ много наслаждений и нигдѣ не
находимъ счастья, потому что именемъ счастья
человѣкъ упорно называетъ идеалъ иначѣ не
возмутимаго и безконечнаго блаженства, которое
бы не упирало, но возвышало его человѣческое
достоинство. Такого счастья нѣтъ на земль. На-
слажденія, какъ бы ихъ много ни было собрано
въ одну жизнь,—еще не счастье: это только ми-
шурная пыль съ крыльевъ того неудовѣмаго
призрака, за которымъ упорно гонятся люди.
Трудъ есть единственно достойное человѣку на
земль и единственно достойное его счастіе. Па-
слажденія порхаютъ вокругъ свѣточка труда, какъ
золотые мотыльки, привлекаемыя свѣтомъ, и чѣмъ
ярче горитъ трудъ, тѣмъ больше ихъ толпится;
но потушите его, и эти золотые мотыльки пре-
вратятся въ хищныхъ птицъ, которыхъ мигомъ
расхватаютъ всѣ сокровища сердца и оставлять
его на жертву пустотѣ и отчаянію... Самое вос-
питаніе, если оно желаетъ счастья человѣку,
должно воспитывать его не для счастія, а при-
готавлять къ труду жизни. Чѣмъ богаче человѣкъ,
тѣмъ образованіе его должно быть выше, потому
что тѣмъ труднѣе для него отыскать труда,
который самъ напрашивается къ бѣдня-
ку, таща за спину счастье въ нищенской ко-
томѣ. Воспитаніе должно развить въ человѣкѣ
привычку и любовь къ труду; оно должно дать
ему возможность отыскать для себя трудъ въ
жизни. Но таково ли воспитаніе въ настоящее
время?

Такой взглядъ на трудъ выработался у Ушин-
ского вслѣдствіе собственнаго его страстнаго
отношенія къ труду. Но этотъ же самыи трудъ
дѣйствовалъ очень неблагоприятно на его здо-
ровье. Сознавая въ себѣ умственныя и нрав-
ственные силы, и чувствуя слабость тѣла, онъ
дошелъ, наконецъ, до отрицанія справедливости
извѣстной поговорки «здоровая душа въ здо-
ровомъ тѣлѣ». Такъ въ другомъ мѣстѣ онъ гово-
ритъ: «Если мы обратимъ внимание не на теоріи, для которыхъ эта поговорка служитъ лю-
бимымъ подтвержденіемъ, а на факты, то найдемъ,
что справедливость знаменитаго изреченія
можетъ быть подвергнута сильному сомнѣнію.
Биографіи личностей, которыми гордится человѣ-
чество, ясно доказываютъ, что далеко не всѣ эти
личности были здоровыми людьми, начиная съ
Аристотеля, часто жалующагося за свое болѣз-

ненное состояніе, и оканчивая Дарвиномъ, кото-
рый спѣшилъ напечатать еще не готовую свою
теорію, боясь, что здоровье помѣшаетъ ему раз-
вить и обставить ее, какъ слѣдуетъ. Въ этихъ
широкихъ предѣлахъ, и принявъ за идеалъ душ-
евнаго здоровья человѣка великий умъ и вели-
кий характеръ (какой же другой можно избрать?), мы
насчитаемъ не мало великихъ дѣятелей, пред-
ставлявшихъ здоровую душу въ больномъ тѣлѣ.
Но не имѣемъ ли мы передъ глазами всѣмъ наѣмъ
знакомыхъ прагматиковъ? Припомните Гоголя, Бѣ-
линского. Съ другой стороны, если можно указать
на такія личности какъ Гете, здоровыхъ и
по тѣлу и по душѣ, то можно также указать на
безчисленное множество здоровенѣйшихъ го-
сподъ съ самою ничтожною душевною дѣятель-
ностью и съ самыми ничтожными ея результа-
тами. И не только къ умственному богатству, во
и къ характеру не можетъ быть приложена эта
знаменитая поговорка. Не видимъ ли мы часто
слабыхъ и больныхъ людей, высказывающихъ
несомнѣнное геройство и твердость, и сильныхъ,
обнаруживающихъ постыдную трусость и ищто-
жество характера? Всякій внимательный вос-
питатель, безъ сомнѣнія, убѣдится, что и въ
школѣ дѣти слабыя, золотушные, болѣзnenныя
—вовсе не являются непремѣнно слабыми по
уму и характеру, а часто совершенно наобо-
ротъ. Сообразивъ всѣ эти несомнѣнныя факты,
трудно себѣ объяснить, какъ классическое вы-
раженіе «здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ» мо-
жетъ еще до-сихъ-поръ повторяться людьми съ
увѣренностью въ его полной справедливости.

Въ 1861 году здоровье Ушинского до того
разстроилось, что онъ долженъ былъ отказаться
отъ всѣхъ своихъ занятій. Онъ былъ причисленъ
къ IV Отдѣленію собственной Его Величества
канцеляріи, съ значительнымъ содержаніемъ. Въ
этомъ случаѣ нельзѧ не отнести съ особеною
благодарностью къ тѣмъ лицамъ, которыхъ, оцѣ-
нивая дѣятельность нашего педагога, помогли
ему устроиться такимъ образомъ. Иначе онъ
быть бы не въ состояніи заняться своимъ здо-
ровьемъ въ заботахъ о содержаніи семьи и о
воспитаніи дѣтей. Это вниманіе къ Ушинскому
сохранило силы его еще на пѣсколько лѣтъ для
использованія русскаго педагогическаго дѣла. Онъ от-
правился за границу и поселился въ Швейцаріи.
Климатъ ея въ спокойная жизнь мало-по-малу
возстановилъ его силы. Имѣя въ виду выполнить
трудъ, назначенный ему отъ IV Отдѣленія,—составить
курсъ педагогики, онъ ревностно занялъ
съ приготовленіемъ къ нему, изучая духовную
природу человѣка по сочиненіямъ извѣстныхъ
европейскихъ мыслителей. По словамъ близкихъ
ему людей, онъ былъ веселъ вѣсъ день, когда

удавалось ему спокойно проработать утро, когда
онъ сознавалъ, что этотъ день для него не былъ
потерянъ. Предпринимая разныя пѣшеходныя
 прогулки, онъ посещалъ первоначальныя школы,
 присматривался къ ихъ порядкамъ и рев-
ностно изучалъ методы элементарнаго обученія.
«Осмотрѣвъ множество заграницныхъ школъ для
малолѣтнихъ дѣтей», говорить онъ, «я вынесъ
изъ этого осмотра полное убѣжденіе, что перво-
начальное воспитаніе и ученье дѣтей, по-край-
ней-мѣрѣ до восьми-дѣтнаго и даже до десяти-
дѣтнаго возраста, болѣе на мѣстѣ въ семье,
 чѣмъ въ общественной школѣ, и что самая школа
 для малолѣтнихъ дѣтей тогда только хороша,
 когда она вполнѣ проникнута семейнымъ харак-
теромъ и болѣе похожа на семью, чѣмъ на
школу. Я нерѣдко любовался устройствомъ малолѣтнихъ школъ за границей; но всегда находилъ
дурнымъ, что онѣ избавляютъ отъ необходимости
заниматься съ дѣтьми не только такихъ ма-
терей, у которыхъ весь день поглощены личнымъ
и тяжелымъ трудомъ, но и такихъ, которые
очень могли бы посвятить обученію своихъ ма-
лютокъ тѣ немногіе часы или, лучше сказать,
 минуты дня, какія для этого нужны. Съ удивле-
ніемъ замѣтилъ я потому, что въ самой педаго-
гической странѣ въ мѣрѣ вовсе не развиты въ
женщинѣ тѣ наклонности, которая столь свой-
ственны женской природѣ. Не вдаваясь въ объ-
ясненіе причинъ такого страннаго явленія, я
скажу только, что желала бы отъ всей души,
 чтобы на моей родинѣ, рядомъ съ устройствомъ
школъ для малолѣтнихъ дѣтей, немогущихъ по
какимъ-либо уважительнымъ причинамъ, поль-
зоваться счастіемъ хорошаго домашнаго воспи-
танія и ученія, развивались въ русской женщинѣ
наклонность и умѣніе самой заниматься перво-
начальнымъ воспитаніемъ и обученіемъ своихъ
дѣтей. Я желала бы, чтобы русская женщина,
испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и
развивать своего ребенка, не уступала этого на-
слажденія никому безъ необходимости. Что жен-
щинѣ врождено стремленіе учить и развивать
свои дитя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даны и необходи-
мы для этого способности,—въ этомъ не можетъ
быть сомнѣнія. И если многія матери, несмотря
на все свое желаніе не разставаться рано съ
своими дѣтьми и учить ихъ самимъ, тѣмъ не
менѣе поручаютъ это дѣло школѣ или чужимъ
лицамъ, то это объясняется практической непод-
готовленностью матерей къ дѣлу первоначальнаго
обученія».

Такія размышленія и чувства Ушинского вну-
чили его на мысль—помочь начинающимъ учить
и въ особенности облегчить и сдѣлать для ма-
тери приятнымъ трудъ первоначальнаго обученія.

Въ головѣ его мало-по-малу созрѣлъ планъ для «Роднаго слова», который онъ и привелъ въ исполненіе по возвращеніи изъ-за границы. Въ какомъ постоянномъ напряженіи была его мысль, и какъ много заботился онъ о совершенствѣ своего труда—доказываетъ самое печатаніе его. Ушинскій могъ отдать его въ типографію, конечно, только тогда, когда сталъ считать его достаточно выработаннымъ и достигающимъ той цѣли, какую авторъ предположилъ себѣ. Но вотъ проходитъ нѣсколько дней; приносятъ ему первые корректурные листы; онъ снова принимается перечеркивать, передѣливать, одинъ выраженія замѣнять другими, такъ что въ типографіи должны были дѣлать почти новый наборъ, который, въ свою очередь подъ первомъ Ушинскаго подвергался разныемъ измѣненіямъ и дополненіямъ. Такъ онъ работалъ надъ каждой страницей. И мы должны сказать, что онъ достигъ замѣчательной простоты и точности выраженія. Нѣть надобности говорить, какой успѣхъ имѣло «Родное слово», и какой авторитетъ приобрѣлъ Ушинскій въ сфере элементарного обучения. Но вотъ скоро выходить другой его трудъ, который показываетъ, что Ушинскій заботился не только объ обученіи дѣтей, но и объ образованіи самихъ педагоговъ. Задумываясь надъ задачей, заданной ему официально,—составить курсъ педагогики для учащихся, Ушинскій убѣдился, что нельзя составить его, не приведя въ ясность главная основанія этой науки — начала психологіи. А привести въ ясность все это было нелегко при вынѣшнемъ состояніи науки психологіи: большая часть старыхъ выводовъ отвергается, новое только начинаетъ кое-какъ вырабатываться, оставляя нераразѣщенными очень много вопросовъ. Нужно было прослѣдить и старое, и новое, все взвѣсить, опѣнить, остановиться на чѣмъ-нибудь опредѣленномъ, чтобы имѣть подъ собою какую-нибудь почву для разработки теоріи воспитанія. Для всего этого нужна была большая ученостъ, огромная начитанность — и Ушинскаго стало на это. Читая всегда съ карандашемъ въ руку, онъ испещрялъ страницы книги своими замѣчаніями, которая опять говорятъ намъ о постоянной дѣятельности его мысли. Такъ имѣя прочитаны сочиненія всѣхъ новѣйшихъ мыслителей и педагоговъ, отъ Милля до Дарвина до Шопенгауера и Бекефа. Не превзбрегъ онъ и трудами учебныхъ прежняго времени, отъ Аристотеля до Спинозы, Канта и Гегеля. Многое можно сказать объ его педагогической антропологіи; въ ней, какъ во всякомъ ученомъ труде, можно найти и слабыя стороны; но она же говоритъ намъ о самостоятельномъ мышленіи автора. Въ ней выдается одно важное достоинство: авторъ не только работалъ

умомъ, но, такъ-сказать, переживалъ свой трудъ; въ немъ мы видимъ его душу, видимъ наблюденія надъ самимъ собою, видимъ провѣрку общихъ педагогическихъ выводовъ на собственной духовной дѣятельности, оттого книга его читается съ такимъ большимъ интересомъ, несмотря на отвлеченнное ея содержаніе, а некоторые страницы можно назвать увлекательными. Къ сожалѣнію Ушинскій не успѣлъ кончить этого замѣчательнаго труда: третья часть его, самая интересная для педагога, какъ приложеніе психологическихъ началъ къ воспитанію, оставлена имъ необработанною. Мы слышали, что ее готовить къ изданію, но, конечно, это будетъ не то, что могъ бы издать самъ авторъ.

Въ послѣднее время Ушинскій занялся обработкой русской элементарной грамматики и издалъ ее въ двухъ книгахъ — для учащихся и для учащихъ. Хотя въ ней и встрѣчается нѣсколько ученыхъ ошибокъ, которыхъ слѣдуетъ исправить, но тѣмъ не менѣе желательно было, чтобы у насъ былъ принятъ и еще болѣе разработанъ тотъ методъ, который онъ вводилъ въ обученіе грамматики отечественнаго языка.

Не касаясь здѣсь журнальныхъ его статей, скажемъ в заключеніе, что во всякомъ его труда виденъ педагогъ, горячо преданный своему дѣлу, стремящійся облегчить труль ученія и въ то же время направить его на умственное развитіе дѣтей. Не облегчая этотъ трудъ, онъ никогда не думалъ учить шуты; напротивъ, онъ былъ врагъ такого ученія; онъ хотѣлъ пріучить дѣтей думать, что ученіе есть дѣло серьезнѣе, хотѣлъ имъ дать работу, которая бы вызывала духовныя ихъ силы и пріучала бы къ плодотворному труду.

Многое еще созрѣвало въ головѣ Ушинскаго, а физическая силы его истощались. Весною въ 1870 году онъ долженъ былъ вновь отправиться за границу лечиться. Съ трудомъ дѣжалъ онъ до Вѣны; здѣсь доктора посовѣтовали емуѣхать въ Крымъ на кумысъ, что онъ и поспѣшилъ исполнить. Пробывъ нѣсколько времени въ Симферополѣ, онъ почувствовалъ обновленіе силъ. Почеть, которыми его отличили въ этомъ городѣ всѣ преподаватели, убѣдилъ его, что имя его весьма популярно въ русской педагогической средѣ, а это, конечно, замѣтно должна была быть подѣйствовать и на духъ его. Постѣща здѣсь народныя школы, русскія и татарскія, онъ особенно занялся мыслью послужить также и сельской школѣ, такъ какъ «Родное слово» онъ назначалъ преимущественно для дѣтей горожанъ. Написать книгу для народной школы, писалъ онъ въ однѣмъ письмѣ, «составлять уже давно мою любимую мечту; но, кажется, ей и суждено

остаться мечтою. Прежде мнѣ необходимо кончить «Антропологію», и потому только я хоть сколько-нибудь примѣню «Родное слово» къ потребностямъ сельской школы. Кроме того у меня на душѣ еще первоначальная географія, какъ окончаніе «Роднаго слова». Вотъ сколько лѣма, а гдѣ силы? И всего досадите, что въ головѣ все это давно готово, такъ что три-четыре мѣсяца прежнаго здѣровья, и я бы, кажется, все окончилъ.»

Съ большими рвениемъ къ труду прибылъ онъ въ Одессу, откуда поспѣшилъ въ Кіевскую губернію, въ свое имѣніе, но здѣсь ожидалъ его такой страшный ударъ, какой нелегко выносить и здоровыя силы. Онъ прибылъ на третій день послѣ погребенія своего старшаго сына, который нечаянно застрѣлился на охотѣ; юноша, только кончившій курсъ въ Петербургѣ, въ военномъ училищѣ, юноша, на котораго отецъ возлагалъ большия надежды, былъ уже въ могилѣ, вместо того, чтобы радостнымъ привѣтомъ въ ласкую встрѣтить любимаго отца, успѣвшаго нѣсколько поправить свое разстроенное здоровье. О близкѣй своей смерти Ушинскій передъ этимъ думалъ часто, но могла ли ему прийти мысль, что сънъ такъ ужасно предупредилъ его; тѣмъ разрушительнѣе должна была на него подѣйствовать эта нежданная вѣсть. Нѣсколькими мѣсяцами пережилъ онъ сына; но эти мѣсяцы были ожиданіемъ смерти: онъ былъ увѣренъ, что пулья, поразившая юношу, была смертельна и для него. Уже ничѣмъ нельзя было поддержать силы; онъ умеръ въ Одессѣ, далеко не выполнивъ то, что назначалъ себѣ для общественной пользы.

В заключеніе мы не будемъ прискивать фразъ для его восхваленія; его жизнь и труды говорятъ сами за себя; мы только назовемъ его человѣкомъ дѣла въ томъ смыслѣ, что, задавъ себѣ разъ благую пѣнь, онъ твердо шелъ къ ней; создавъ себѣ идеалъ, онъ неуклонно стремился внести его въ жизнь. Такимъ людямъ часто недостаетъ житейской practicalности; они не всегда способны соображаться съ условіями, которыхъ могутъ вредить ихъ дѣлу; но тѣмъ не менѣе такие-то люди и движутъ впередъ общественное дѣло; они оживляютъ то, что до нихъ замирало; они указываютъ другимъ дорогу; они вызываютъ новые силы для дѣятельности. Они много страдаютъ морально отъ неудач, отъ противодѣйствій, отъ чужой злобы, иногда отъ собственной непрактичности, но зато избавляютъ отъ многихъ страданій слѣдующее поколѣніе.

Таковъ былъ и Ушинскій.
V. Стоюнинъ.